

АННА ФЛИН

Визжу тебе,
Лили

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ф72

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Художественное оформление — *В. Давлетбаева*

Флин, Анна.

Ф72 Вижу тебя, Лили : [роман] / Анна Флин. — Москва: Издательство АСТ, 2026. — 352 с. — (Любовь хулигана).

ISBN 978-5-17-181816-6

После серии странных звонков и слежки Лили понимает: кто-то превратил её жизнь в охоту. Незнакомец знает её маршруты, привычки и слабые места. Когда опасность касается её близких, Лили вынуждена бороться за право на обычную жизнь. Но чем глубже она пытается понять, кто стоит в тени, тем яснее становится: настоящий преследователь давно вошёл в её доверие. И его игра только начинается.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-181816-6

© Флин А., 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Пролог

Иногда думаю: если бы рассказала всё раньше, если бы не боялась собственных догадок — может быть, кое-что получилось бы предотвратить. Но кто мог подумать, что в таком тихом, провинциальном городке, как Эшфилд, где люди знают друг друга по именам, где пекари улыбаются детям, а соседи оставляют яблоки на крыльце, может развернуться настоящая трагедия? Настоящая охота...

Когда ты сирота, потерявшая всё, жизнь обычно щадит. Даёт передышку. Но моя решила иначе. Оказалось, что падать можно бесконечно глубоко и что всегда найдётся кто-то, кому кажется, что ты потеряла недостаточно много.

День, когда сгорел магазин, был не просто трагедией — он стал моментом, когда моя жизнь раскололась на до и после. Так говорят о катастрофах, о случайностях, о судьбе... но когда я вспоминаю ту ночь, понимаю: ничего случайного в ней не было. Всё происходило по заранее написанному сценарию, и автором была вовсе не я.

Моя память о бабушке, моя точка опоры в городе, который порой был слишком громким и слишком тихим одновременно. Там, среди высоких полок, я росла, менялась, училась доверять людям и словам. Там

впервые поняла, что книги — это не просто бумага, а пространство, где можно спрятать душу.

Теперь всё это — пепел.

Говорят, книги горят красиво, будто в них живут особые огни, которые освобождаются, когда страницы превращаются в пламя. Но те, кто это говорит, никогда не стояли так близко к пожару. Никогда не слышали, как трескаются истории. Никогда не видели, как погибает память. При температуре выше двухсот градусов текст становится топливом — и всё, что ты любил, становится дымом.

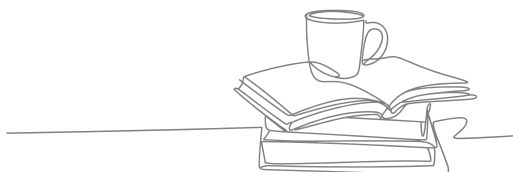
Каждая история начинается с огня?

И моя — тоже.

И всё же сейчас, спустя годы, я наконец могу рассказать свою историю. Как всё началось. И как закончилось. Потому что страх перестал держать меня за горло.

Если ты читаешь это, значит, пришло время выйти из тени на свет.

Глава 1

Лето в Эшфилде тянется медленно — тягучее, золотистое, как мёд на деревянной ложке. Солнце лениво скользит по крышам, задерживаясь на каждой, будто не спешит уходить. Воздух пахнет тёплой травой, пряной пылью старых чердаков и чем-то ещё... родным. Городок живёт так размеренно, что кажется: время здесь не идёт — оно дремлет.

На окраине стоит наш маленький дом, старый, но упрямо уютный. Стены хранят память десятилетий: шёпот прошлых разговоров, забытые мелодии, запах чернил и жасмина, который бабушка любит сушить на окне. Полки завалены книгами — новыми, старыми, потрёпанными, — и порой кажется, что они с тихим одобрением следят за каждым твоим шагом.

Бабушка владеет книжным магазином в центре города. Витрина у нас деревянная, местами облупленная, но честная, как всё в Эшфилде. За стеклом выстроены в небольшие башни пожелтевшие книги, открытки с цитатами и ваза с садовыми цветами — бабушка меняет букет почти каждый день. Магазин пахнет бумагой и свежими стеблями — запах, по которому можно узнать даже с закрытыми глазами.

В будни я помогаю бабушке: разбираю коробки с новыми поступлениями, сортирую редкие издания,

протираю полки. Иногда вкладываю между страницами маленькие записки постоянным клиентам — короткие пожелания, строчки стихов, благодарности. Люди улыбаются, когда находят их, и это делает день светлее.

Эшфилд невелик. Всего одна главная улица, где расположены старый кинотеатр, парикмахерская, булочная миссис Хоуп и закусочная Sally's Diner — вишнёвый пирог из их меню может исцелить любую беду. У моста подростки вечерами делятся историями, у фонтана бабушки спорят о погоде, а мистер Кларк неизменно занимает своё место у входа в наш магазин: газета в руках, хмурый вид и комментарии к любым мировым событиям.

По субботам на рынок приезжает фермер мистер Рид. Он всегда утверждает, что его мёд самый лучший в округе — и так говорит уже тридцать лет. Люди на ярмарке смеются, пробуют мёд, покупают круассаны у миссис Хоуп, слушают уличную музыку. По вечерам в кафе на углу включают старые пластинки, и весь Эшфилд будто превращается в маленькую сцену из фильма.

Жизнь здесь проста, тепла и словно соткана из привычек. Люди знают своих соседей по именам, помнят дни рождения половины улицы и могут определить настроение по шагам.

Иногда приходит мысль, что мир за пределами Эшфилда живёт быстрее и ярче: шум машин, неоновые вывески, люди, которые бегут, не поднимая взгляда. Но, стоит ветру взъерошить верхушки деревьев над нашим домом, как всё становится на свои места. Здесь можно дышать. Можно слушать. Можно просто быть.

Так проходит мое лето — тихое, прозрачное, как шелест страниц. И почему-то кажется, что так будет всегда. Что ничего не изменится.

Хотя воздух уже несёт что-то новое — едва уловимое, как смена погоды. Но пока об этом легко не думать.

ПРОЩАНИЕ СО ШКОЛОЙ

Утро подкрадывается мягко: свет просачивается сквозь занавески, золотит потолок, щекочет веки. Будильник молчит — редкая роскошь. В школе сегодня всё равно никто не будет делать вид, что учится.

Последний учебный день.

Одеяло тёплое, подушка пахнет лавандой и ванильным мылом. Несколько секунд удаётся притвориться, что лето уже началось и ничего не нужно решать. Но из кухни тянет тостами и мёдом, и сопротивляться этому запаху бесполезно.

Приходится вставать. Холодный пол бодрит лучше кофе. В зеркале — знакомое отражение: бледная кожа после зимы, светлые волосы, собранные в небрежный хвост, цепочка на шее.

На кухне бабушка разливает чай. Серебристые волосы собраны в аккуратный узел, белый фартук с васильками уже чуть в пятнышках. Она всегда встаёт раньше, чем солнце успевает добраться до подоконника.

— Доброе утро, Лили. — В её голосе слышна та самая тёплая хрипотца, от которой становится спокойнее. — Последний день. Представляешь?

Тосты, овсянка с мёдом, чай. В руках тёплая кружка, в груди — странная смесь лёгкости и тяжести. Школа надоела, но мысль о том, что всё это реально заканчивается, цепляется где-то под рёбрами.

— Какие планы? — Бабушка садится напротив со своей чашкой кофе.

— Дожить до конца дня, — выдыхается с улыбкой. — После уроков — Sally's Diner, ванильный коктейль, а потом с Софи на озеро.

Бабушка кивает так, словно всё это уже видела когда-то — только в другой жизни, с другими лицами.

После завтрака в рюкзак отправляются блокнот, наушники и две книги — ничего лишнего. Учебники доживают свои последние часы в школьном шкафчике. На улице тепло, воздух пахнет цветами и чем-то новым, ещё не узнаваемым.

У ворот уже ждёт Софи, подкидывая яблоко, как мяч.

— Ну что, Холлоуэй, готова к свободе? — Её улыбка широкая, словно всё лето впереди.

Ответ получается больше похож на вздох, чем на фразу:

— Лето только начинается.

Дорога до школы знакома до трещинки на асфальте. Кто-то поливает газон, где-то лает собака, вдалеке гудит школьный автобус. У одного дома пожилая женщина в халате поливает розы из маленькой лейки, и вода блестит на солнце, как россыпь стекляшек.

— Ты дочитала «Гордость и предубеждение»? — Софи встряхивает светлыми волосами, словно сама только что вышла со съёмок романтического фильма.

— Дочитала. — Чуть сильнее перехватываю рюкзак. — Дарси всё-таки лучший пример того, как человек умеет меняться. Жаль, такие мужчины живут только на страницах книг.

— Не сгущай краски, — Софи смеётся. — Может, просто мы ещё не встретили своих Дарси. Или родились не в том столетии.

— В том столетии нас бы запихнули в корсеты и выдали замуж за первого встречного. Хотя... были бы письма и балы, — губы сами растягиваются

в улыбке. — И, возможно, больше времени, чтобы замечать простое.

— Сейчас у нас тоже есть кое-что — книги, — Софи подмигивает. — Остальные девчонки охотятся за платками, а мы — за мистером Дарси.

— И при этом я даже не знаю, кто сейчас топ в чартах, — честно признаюсь вслух.

— А мне и не интересно, — фыркает она. — Скажи лучше, Дарси или Бингли?

— Дарси. Бингли милый, но слишком уступчивый. В наш век его бы быстро «переписали».

— Зато он точно смог бы переписываться в соцсетях! — Софи смеётся, и этот смех немного разряжает что-то тугое внутри.

Школа уже гудит впереди: разговоры, смех, хлопки дверей. Кто-то фотографируется у входа, кто-то забрасывает рюкзак в багажник пикапа, кто-то машет родителям из окна. Всё выглядит так же, как вчера, но внутри отчётливо чувствуется: сегодня — последняя серия сезона.

— Вот идут наши святоши, — слышится знакомый голос, едва мы подходим ближе.

Рози Миллер, капитан группы поддержки, облокотилась о розовый шкафчик, как о трон. Вокруг — её свита.

Отвечать не хочется. Взгляд автоматически находит Софи, та только еле заметно пожимает плечами. В груди привычно сжимается — не от обиды, а от усталости. Одни и те же слова годами стирают кожу не хуже наждачки.

«Слишком правильные, слишком наивные». В мире, где сарказм — новая валюта, ирония — броня, а цинизм — язык общения, такие, как мы, смотрятся странно. Софи вежливо здоровается с половиной школы и верит, что в людях больше хорошего. Для меня книги важнее вечеринок, а чужие границы — важнее лайков.

Мы не вписываемся.

— Может, они просто завидуют, что у нас есть что-то настоящее, — шепчет Софи, когда толпа рассасывается. — А у них — только то, что исчезнет после выпускного.

Улыбка получается чуть крепче, чем ощущается.

Коридор встречает привычным шумом: музыка из школьного радио, разговоры о выпускном, споры о баскетболе. Комбинация замка под пальцами, металлический щелчок — и дверца шкафчика открывается. Свитер, ручки, стикеры с заметками о книгах и фотография с Софи у озера, где у обеих растаяло мороженое и смех до слёз.

Последний раз всё это видится глазами ученицы.

— Как думаешь, что будет после школы? — спрашиваю вслух, пока Софи поправляет волосы, глядя в маленькое зеркало на дверце.

— Хочется верить, что не только счета и ответственность, — она усмехается, но взгляд чуть серьезнее, чем обычно. — Хочется верить, что там есть место для таких, как мы. Для тех, кто не умеет жить «как принято».

Звонок режет воздух. Шкафчики захлопываются почти синхронно, и мы растворяемся в шуме последнего учебного дня. Уроки тянутся легче обычного: никто не слушает, учителя больше улыбаются, а время будто скользит по поверхности, не задерживаясь. К обеду классы постепенно пустеют.

Стоит выйти в коридор перед большой переменной, как воздух ощутимо меняется. Софи хватает меня под локоть, мы вливаемся в поток и вместе с остальными выходим к дверям, ведущим во двор. Свет обрушивается сразу — яркий, летний, почти ослепляющий после полутёмных кабинетов.

Школьный двор живёт своей обычной жизнью: кто-то кидает мяч, кто-то валяется на траве с телефоном,

кто-то бежит за другом, размахивая чьим-то дневником. Картинка почти идеальная, если смотреть издали.

Стоит перевести взгляд к забору — и привычность даёт трещину.

У дальнего выхода, там, где редко кто ходит, у сетки, стоит фигура. Не из наших. Слишком высокий, слишком чужой для выпускников. На нём тёмная куртка с поднятым воротником, а лицо наполовину закрыто козырьком кепки.

Взгляд — прямо сюда.

На секунду кажется, что воздух вокруг сгущается.

Пальцы Софи всё ещё держат руку, но хватка ослабевает.

— Смотри... — сам по себе вырывается шёпот. Подбородок едва заметно кивает в сторону забора.

Софи щурится, следуя взглядом в этом направлении.

Фигура у забора делает еле заметное движение — словно понимает, что за ним наблюдают. Через секунду человек отворачивается и медленно уходит вдоль улицы, исчезая за углом школы.

— Какой-то парень, — пожимает плечами Софи. — Может, брат кого-то из младших. Ты только посмотри, сколько народу сегодня шляется вокруг школы.

Улыбка получается неуверенной. Внутри всё равно остаётся ощущение, что этот взгляд был слишком пристальным, слишком фиксированным. Не случайный прохожий, не родитель, который ждёт ребёнка.

Слишком... целенаправленно.

Шум двора возвращается во всю силу: кто-то визжит, кто-то смеётся, колёсики скейтборда царапают асфальт. Момент тянется, а затем словно сам стирается, как неправильная строка в тетради.

— Тебе просто тревожно, — продолжает Софи уже привычным тоном. — Последний день, перемены, вот и мерещится всякое.

— Хочешь сказать, скоро начну слышать голоса в голове? — пытаюсь отшутиться. Голос выходит чуть более сухим, чем задумано.

— Если эти голоса будут рекомендовать хорошие книги, я первая запишусь, — хмыкает Софи. — Ладно, пошли, иначе опоздаем на следующий урок и точно получим от Хенли лекцию о дисциплине.

Столик под деревом остаётся позади, солнце пятнами играет на траве, будто ничего странного не происходило. Но по дороге к школе тепло в груди уступает место лёгкому холодному комку где-то под рёбрами.

Будто за спиной, на пару шагов позади, идёт чей-то взгляд.

До конца дня ощущение не уходит.

На переменах коридоры гремят смехом, хлопают дверцы шкафчиков, баскетбольный мяч стучит о пол спортзала. Всё как всегда. И всё равно каждый раз, когда взгляд случайно цепляется за окно, появляется неприятное ожидание — что за стеклом снова стоять будет чья-то тёмная фигура.

За окном кабинета истории замечается припаркованная у обочины серая машина, которой раньше не было. Старый седан, немного поцарапанный, с затонированными задними стёклами. Двигатель выключен, водительское место пустое.

На следующей перемене машина всё ещё там.

Софи машет рукой перед моим лицом:

— Эй, на какой планете сейчас живёшь?

— Просто думаю, — выдыхаю еле слышно.

— Перестань. Сегодня праздник. Последний день.

Мы должны думать о платьях, пироге и озере. А не о... — она замолкает, заметив, куда направлен взгляд. — Ого. Ну, кто-то явно долго не может расстаться со школой. Родители-страховщики, небось.

— Тебе не кажется, что эта машина уже час как стоит на одном и том же месте?

— Лили, это Америка. Здесь половина машин стоят на одном и том же месте, пока хозяева не вспомнят, где они припарковались, — фыркает она. — Серьёзно, у тебя слишком развито воображение. Перечитала триллеров?

Хотелось бы списать всё именно на это. На книги. На привычку домысливать.

Седан в итоге исчезает так же тихо, как появился. Ни хлопка дверцы, ни звука мотора не удаётся уловить. Просто в какой-то момент за окном остаётся только пустая обочина и старый клен у тротуара.

После последнего звонка школа бурлит, словно улей. Тетради летят в воздух, будто кто-то решил попрощаться с учёбой максимально демонстративно. На ступеньках школьного крыльца выстраиваются целые группы — кто-то делает снимки на память, кто-то обнимается, кто-то кричит что-то радостное, пытаясь перекричать гул машин. На парковке уже включили громкую музыку, и вибрации разносятся по асфальту, смешиваясь с запахом пыли и летнего зноя.

Софи рядом — светлая, быстрая, как солнечный зайчик. Её руки разлетаются в стороны, когда она рассказывает о будущей соседке по общежитию, о комнате, которую им выделили, о планах на осень. В её голосе — чистое, беззаботное счастье, а мелькающие гримасы делают любую историю живее.

— Представляешь, у меня будет соседка, которая пишет стихи ночами и собирает старые билеты! — Азарт в её голосе такой, будто перед ней открывается целый мир.

Она поступила в колледж в Чикаго — большой город, новые люди, шумные улицы, общежитие, лекции,

планы. У Софи впереди другая жизнь, и она говорит об этом так легко, будто всё это давно было решено судьбой, а сейчас просто наступило её время.

Её радость заразительна. Но под ней возникает что-то острое — едва уловимое, будто тонкая заноза под ногтем.

Она уедет. А Эшфилд останется прежним.

Книжный магазин, дом на окраине, бабушка, которой становится всё тяжелее вести дела одной... Всё это держит крепче любого якоря. Порой даже мысль о том, чтобы уехать учиться, кажется предательством. Семья всегда была маленькой: мама и отец погибли, когда мне было всего пять. И бабушка, едва успев справиться с собственным горем, забрала меня к себе, не выпуская из рук ни на минуту. С того времени она — единственный человек, который у меня есть.

Софи, словно чувствуя перемену в настроении, берёт меня под руку и мягко прижимает к себе.

— Ты тоже поступишь. Просто возьмёшь год передышки, поможешь бабушке, а потом отправишь документы. Ты не создана для жизни взаперти в маленьком городке. Тебе нужно больше пространства.

Хочется верить, но воздух вокруг будто становится более густым, тягучим.

На парковке кто-то снова выкрикивает что-то вроде победного возгласа. Кто-то хлопает дверьми машины. Всё вокруг звучит радостно, шумно, ярко — но внутри в этот момент что-то замирает.

Софи вытягивает телефон, делает ещё один снимок, настаивает, чтобы я улыбнулась. Мы смеёмся, дурачимся, надеемся удержать этот миг.

Только ощущение скорого расставания нависает над всем этим, как тень от облака, которое закрывает солнце всего на секунду, — но хватает и этого, чтобы день стал другим.

Внимание всё равно время от времени скользит по окружению: лица, окна, парковка, забор, деревья.

На стоянке, у дальнего ряда, снова виднеется та самая серая машина. На этот раз в салоне кто-то сидит.

Стёкла бликуют от солнца, но силуэт угадывается: плечи, наклон головы.

Чёткое ощущение, что незнакомец смотрит именно в ту сторону, где стоим мы с Софи.

Плечи сами собой чуть напрягаются, дыхание становится чаще.

— Лили? — Софи хватает меня за локоть. — Ты опять туда смотришь.

— Видела эту машину днём, — стараюсь говорить ровно. — Она стояла у окна кабинета истории.

— Ну и что? Может, у человека ребёнок учится у Хенли.

— Салон был пуст, — слова выходят чуть быстрее, чем хотелось бы. — Часа два точно.

Софи закатывает глаза, но мягко, без злобы.

— Может, человек работает сменами и просто спал. Это же не преступление — устать.

Сердце не соглашается. Но рот молчит.

У серого седана вдруг моргают фары, будто машина подмигивает. Двигатель запускается немного неровно, с лёгким металлическим звоном. Авто медленно выезжает с парковки, проезжает мимо школьной площадки, словно скользя взглядом фар по толпе — и исчезает за углом.

Софи облегчённо выдыхает:

— Видишь? Обычная машина. Обычный день. Обычный конец школы.

Обычный.

Слово почему-то звучит неправильно, как фальшивая нота в любимой песне.